

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. М. БУЛАНИН

О некоторых принципах работы древнерусских писателей

Изучение истории текста литературных памятников Древней Руси отличается некоторыми существенными особенностями. Разрабатывая принципы текстологии применительно к литературе нового времени, Б. В. Томашевский выделил следующие этапы в истории художественного произведения. «I. Подготовка: а) замысел; б) собирание материалов; в) планировка; II. Создание произведения: г) черновые наброски; д) первая редакция; III. Отделка произведения: е) работа над чистовым текстом; ж) обработка повторных изданий».¹ Для большинства древнерусских литературных произведений мы не имеем материалов ни об одном из этапов в истории текста, которые выделены Б. В. Томашевским и которые предшествуют окончательному варианту памятника. Если история литературных произведений нового времени изучается в первую очередь на основании черновиков, то специалистам по древнерусской литературе в большинстве случаев приходится иметь дело с беловым текстом. «Древнерусские литературные произведения представлены почти только беловиками, т. е. рукописями с законченным текстом, — предназначенные для чтения, они отражают конечный результат работы».²

Понятно, какое значение имеют для изучения древней литературы автографы русских средневековых писателей, сохранившиеся до нашего времени; последние годы были особенно плодотворны в отношении поиска автографов древнерусских писателей. На сегодняшний день выявлены рукописи, переписанные рукой известных писателей Древней Руси (Нил Сорский, Максим Грек), известны сочинения целого ряда писателей с авторской правкой (митрополит Даниил, Максим Грек, Симеон Полоцкий) и, что особенно ценно, собственноручные списки произведений древнерусских авторов (Зиновий Отенский, Симеон Полоцкий, Аввакум, Епифаний — союзник Аввакума). Но даже обнаружение автографа — факт сам по себе очень важный — мало что меняет в общей картине, поскольку и в этом случае ученый имеет перед собой уже связный текст и не знает, что ему предшествовало. Творческая лаборатория древнерусских авторов остается в основном скрытой от современных исследователей.

Некоторые материалы, собранные за последние десять лет, несколько изменили эту ситуацию. В 1972 г. И. М. Кудрявцев опубликовал статью, посвященную исключительно интересному старообрядческому сборнику XVII в. (ГБЛ, ф. 17, собр. Барсова, № 883).³ В этом сборнике содержится

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959, с. 87.

² Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 39.

³ И. М. Кудрявцев. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. — В кн.: Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 33. М., 1972, с. 148—212.

набор выписок из различных книг (между прочим в колоннитулах он так и озаглавлен: «Выписки из книг»), составленный протопопом Аввакумом. Источники выписок Аввакума весьма разнообразны: это Беседы Иоанна Златоуста на послания апостола Павла, Книга о вере, Кириллова книга, поучения Ефрема Сирина, корпус сочинений Дионисия Ареопагита, Пролог и др. Справедливо оценивая значительность находки, И. М. Кудрявцев пишет: «Это список черновиков и набросков сочинений протопopa Аввакума, выписей и заметок по поводу тех или иных штудированных им книг, иными словами, список части его архивных материалов, дающий возможность (разумеется, лишь в какой-то мере) уяснить его замыслы, интересы, приемы работы и многое другое, т. е. проникнуть в творческую лабораторию одного из самых замечательных писателей XVII в.»⁴

Недавно были обнаружены несколько подборок выписок, относящихся к более раннему периоду в истории древнерусской литературы — они принадлежат Максиму Греку. Это, во-первых, подборка выписок из Лексикона Свиды, грандиозной византийской энциклопедии X в.; подборка эта была найдена Н. В. Сеницыной в прижизненном сборнике сочинений Максима Грека (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 305—315) с его собственноручной правкой.⁵ Во-вторых, это две статьи, часто встречающиеся в составе сборников сочинений Максима Грека («Григория Богослова „От слова еже о нищелюбии“»; «Григория Богослова о нищелюбии») и представляющие собой набор выписок из слов Григория Богослова.⁶ Наконец, это выписки из Хроники Георгия Амартола и некоторых других источников в сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 791, достаточно убедительно атрибутированные Максиму Греку.⁷ В известной мере такой же характер носит комплекс антилатинских статей и выписок, составленный Максимом Греком и сохранившийся в нескольких сборниках XVI—XVII вв.⁸

Наконец, молодой новосибирский ученый А. И. Плигузов установил, что окончательноному варианту «Поморских ответов», составленных в XVIII в., но тесно связанных с традициями древнерусской письменности, предшествовали рукописи, содержащие выписки по основным темам, разбиравшимся в этом сочинении.⁹ Нужно думать, что в процессе дальнейшего изучения древнерусской литературы будут сделаны и другие находки такого рода.¹⁰

Следует сразу же отметить, что сами по себе перечисленные находки не являются сенсацией. Дело в том, что составление подборок выписок, иногда объединенных общей темой или распределенных по различным рубрикам, — явление обычное в древнерусской письменности. В данном случае важен другой факт: удалось установить, что древнерусские пи-

⁴ Там же, с. 153.

⁵ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России. М., 1977, с. 58—60. Небольшая подборка выписок из Свиды находится также на л. 170 об.—171 этого сборника.

⁶ Д. М. Буланин. К изучению переводческой деятельности Максима Грека. — РЛ, 1978, № 3, с. 121.

⁷ Б. М. Клосс. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. с. 55—61; Д. М. Буланин. Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 269.

⁸ Д. Буланин. «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI—XVII вв. — Palaeobulgarica, t. V (1981), № 2, с. 35—54. Нужно, правда, отметить, что в этот комплекс наряду с выписками входят и цельные произведения («Окружное послание» Фотия, «Слово на латиню» Максима Грека).

⁹ Наблюдения А. И. Плигузова пока не нашли отражения в печати. Ср. А. И. Плигузов. Авторские сборники основателей Выговской пустыни. — В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982, с. 103—112.

¹⁰ Ср., например, выписки из Хронографа на черновой стадии его создания: Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 159—168. Впрочем, поскольку Хронограф — заведомо компилятивный памятник, эти собрания выписок не столь выразительны, как указанные выше.

сатели, будь то Максим Грек, Аввакум или авторы «Поморских ответов», включали отдельные выписки в состав своих оригинальных сочинений, т. е. использовали свои собрания выписок как заготовки, или «цитатники». Активное использование этих подборок выписок, «цитатников», свидетельствует о том, что они представляли собой в Древней Руси вполне определенный, начальный, этап в истории создания оригинального произведения или произведений. И. М. Кудрявцев показал на многочисленных примерах, как использовал протопоп Аввакум в своем творчестве те материалы, которые сохранились во вновь найденном сборнике XVII в. Выписки из Свиды, сделанные Максимом Греком, также не прошли бесследно в его трудах — многие из них вошли в состав оригинальных сочинений писателя.¹¹ То же следует сказать о наборе выписок Максима Грека из слов Григория Богослова,¹² о его выписках в сборнике Синодального собрания, о комплексе антилатинских статей, а также о выписках, предшествовавших окончательному тексту «Поморских ответов». Думается, что приведенные материалы дают возможность говорить о какой-то общей закономерности, характеризующей работу древнерусского писателя, и позволяют сделать некоторые выводы о принципах, на которых строилась эта работа.

Черновые наброски писателей нового времени выглядели по-разному: И. С. Тургенев, например, имел обыкновение составлять формуляры на всех героев будущего произведения, в которых указывал их имена, годы рождения и т. д.; Ф. М. Достоевскому важен был в первую очередь сюжет задуманного романа — это отчетливо проявилось в его черновиках.¹³ Уже это своеобразие, неповторимость черновиков различных писателей очень характерны для литературы нового времени, когда интерес представляет именно своеобразная и неповторимая индивидуальность каждого писателя. При всем различии этих черновиков им присуща одна общая черта: процесс творчества писателя, его творческая мысль обычно отражаются в черновиках уже на самой начальной стадии создания того или иного сочинения.

Отношение к литературе и писательскому труду в средние века было принципиально иным. С точки зрения средневекового человека культура не знает старения, это сумма вечных и вневременных идей,¹⁴ а призвание писателя — передать, сообщить эти идеи. Литературный вымысел не ценился в древности — средневековый писатель в наименьшей степени «сочинитель», т. е. литератор в современном смысле этого слова.¹⁵ Особым было отношение к самому процессу письма, к его общественным функциям: по средневековым представлениям далеко не всякое произведение, далеко не всякая мысль заслуживали письменной фиксации. В литературу проникало лишь то, что было подчинено литературному этикету. Согласно определению Д. С. Лихачева, литературный этикет «слагается из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо

¹¹ Д. М. Булакин. Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека, с. 282—283.

¹² Выписку из подборки, озаглавленной «Григория Богослова „От слова еже о нщцелюбии“», Максим Грек использовал в «Слове противу тшацихся звездозрением предрицати о будущих. . .» (Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1. Казань, 1859, с. 411).

¹³ Подробнее см.: Б. В. Томашевский. Писатель и книга, с. 87—153.

¹⁴ А. М. Панченко. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 193—194.

¹⁵ Ср., в частности, значения слов «съчинити», «творити»: Срезневский, т. III, стб. 866, 934—937. Интересно в этой связи, что обычное для культуры барокко уподобление творчества писателя творчеству бога было воспринято русскими традиционалистами как кощунственное и еретическое (А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 176). Об этой особенности средневековой культуры подробно см.: E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages. Princeton, 1973, p. 397—401.

сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный». ¹⁶ По словам Д. С. Лихачева, «стремлением подчинить изложение этикету, создавать литературные каноны можно объяснить и обычный в средневековой литературе перенос отдельных описаний, речей, формул из одного произведения в другое». ¹⁷ Отсюда анонимность большинства литературных памятников Древней Руси, что объясняется не только скудостью наших сведений об авторах, но и эстетической установкой древнерусских писателей. Отсюда зыбкость границы между автором, редактором и писцом того или иного сочинения, отсюда и весьма распространенная в средние века практика приписывать свое произведение другому, более авторитетному автору. ¹⁸ Особенности средневековой литературы хорошо иллюстрируются найденными подборками выписок: оказывается, прежде чем приступить к написанию собственного сочинения, древнерусский писатель собирал выписки из чужих авторитетных трудов, а затем включал некоторые из этих выписок в состав своих произведений.

Обнаруженные подборки выписок, позволяющие приподнять завесу над творческой лабораторией древнерусского писателя, вполне согласуются с нашими представлениями о специфике книжной продукции Древней Руси. Хорошо известно, что большая часть древнерусских литературных произведений дошла до нас в составе сборников разнообразного состава. «Связь, которая существует между дошедшими до нас литературными произведениями и составом включивших их в себя сборников, может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переплетчика, соединившего различные по содержанию и разновременные рукописи». ¹⁹ Распространение сборников — характерная черта книжной культуры Древней Руси. В них проявилась общая тенденция средневековой культуры — рассматривать каждую книгу как энциклопедию или, по выражению А. С. Орлова, как книгу, представляющую «круг знания», ²⁰ что в свою очередь объясняется особым отношением в средние века к книге — вместилещу вечных идей. ²¹ Подборки выписок древнерусских писателей можно рассматривать как сборники в миниатюре или как сборники в сборниках: как сочинения в сборниках выписки эти могут быть извлечены из одного произведения или из нескольких, могут быть объединены общей темой или собраны бессистемно и т. д. Поэтому-то выписки эти не осознавались в Древней Руси как черновики в подлинном смысле слова: позднейшие переписчики копировали подборки выписок, придавая им тем самым самостоятельное значение.

Среди целого комплекса задач, которые возникают в связи с изучением подготовительных выписок таких выдающихся писателей, как Максим

¹⁶ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979, с. 90.

¹⁷ Там же, с. 88.

¹⁸ См.: М. И. Сухомлинов. О псевдонимах в древней русской словесности. — СОРЯС, т. LXXXV, 1908, с. 441—493.

¹⁹ Д. С. Лихачев. Текстология, с. 233. О сборниках см. также: Р. П. Дмитриева. 1) Изучение русских рукописных четких сборников XV—XVI вв. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 85—95; 2) Четвы сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 150—180.

²⁰ А. С. Орлов. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды. — Доклады Академии наук СССР—В, 1931, № 3, с. 41.

²¹ См.: А. М. Панченко. 1) История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко, с. 194—195; 2) Переход от древней русской литературы к новой. — В кн.: Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980, с. 135—142. О символике книги в средние века и другие эпохи подробно см.: E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 302—347.

Грек, протопоп Аввакум, авторы «Поморских ответов», интересной представляется следующая: найти в самом тексте произведений древнерусских писателей отражение принципов их работы, в которых, как кажется, проявились некоторые характерные черты средневековой литературы вообще. Было бы безнадежной затеей искать у древнерусских авторов откровенных признаний о процессе их творчества, признаний, столь характерных для литературы нового времени;²² литературный этикет, которому была подчинена средневековая письменность, не допускал таких признаний. Зато особенности творчества писателей XI—XVII вв. — соби́рание выписок из авторитетных источников и последующее их использование в своих собственных сочинениях — нашли яркое воплощение в этикетных формулах древнерусской литературы, связанных с писательским трудом.

Широкое распространение «общих мест», или, по терминологии Д. С. Лихачева, «этикетных формул», — хорошо известная особенность литературы Древней Руси. Об этикетных формулах русской средневековой литературы писали не раз, однако конкретная разработка этого вопроса еще только начинается. По словам Д. С. Лихачева, «литературный этикет Древней Руси и связанные с ним литературные каноны нуждаются во внимательном исчерпывающем описании и „каталогизации“». ²³ Этикетные формулы, связанные с трудом писателя и книжника в Древней Руси, весьма разнообразны, и в мои задачи не входит сколько-нибудь исчерпывающее их описание. Такая этикетная формула, как уподобление работы писателя или писца плаванью на корабле,²⁴ или разработанная система образов, основанная на метафоре: пища плотская — пища духовная,²⁵ несомненно заслуживают монографического исследования. В данном контексте интерес представляют прежде всего те этикетные формулы, в которых отражаются представления о самих принципах писательского труда, о начальной стадии работы древнерусского книжника, которая, как мы видели, заключается в соби́рании выписок из авторитетных источников.

Такие этикетные формулы без труда могут быть найдены в сочинениях тех самых писателей, подборки выписок которых были обнаружены за последние годы. Хорошо известно то место в сочинениях Аввакума, где он сравнивает свою работу со сбором подаяния: «Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. . . У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, ис полатейего хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торговова человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошел, да и вам даю, жителям в дому бога моего». ²⁶ Более традиционны образы, обнаруживающиеся в сочинениях Максима Грека. В «Слове на латинов» находим знаменитое сравнение писательского труда

²² Ср. классические примеры: «Осень» А. С. Пушкина, «Как делать стихи» В. В. Маяковского и др.

²³ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 102.

²⁴ См.: E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 128—130. О различных метафорах, связанных с плаванием по морю, ср.: J. Kahlemer. Seesturm und Schiffbruch als Bild im antiken Schrifttum. Hildesheim, 1934; Т. А. Миллер. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста. (Опыт сопоставительного анализа). — В кн.: Античность и современность. М., 1972, с. 360—369; А. П. Каждан. «Корабль в бурном море». К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 3—16.

²⁵ E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 134—136; С. В. Полякова. «Всякого добра добрейша суть книжное поучение». (Об усвоении Аввакумом метафоры съедания слова). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 188—190.

²⁶ РИБ, т. 39. Л., 1927, стб. 548.

с работой пчелы: «Хотех и аз пчелам поревновати, — пишет Максим Грек, — летающим убо по всяким цветом, но не от всех събирающим мед».²⁷ В Слове «на люторы», которое А. И. Иванов атрибутирует Максиму Греку,²⁸ писатель говорит, что он, «яко же пес от крупиц, падающих от трапезы господей своих по мере дарования Христова», выбирает из творений «святых апостол, и пророк, и преподобных отец».²⁹ Таким образом, древнерусский писатель, приступая к работе, обращается к авторитетным для него произведениям и делает из них выписки, как нищий собирает милостыню, как пчела облетает цветы, как пес питается объедками своих хозяев.

Поскольку речь идет об «общих местах», этикетных формулах, было бы нелепо думать, что в приведенных образах непосредственно выражаются взгляды на принципы писательского труда именно Максима Грека или Аввакума. Однако в возникновении и распространении какой-то этикетной формулы выражаются некоторые общие закономерности развития литературы в определенный период; исследование генезиса, вариаций и модификаций той или иной этикетной формулы или целого их комплекса проясняет в известной мере эти общие закономерности. В использовании этикетных формул, отражающих принципы труда писателя, проявляются не индивидуальные взгляды отдельного автора, но взгляды, характерные для целой литературной эпохи. Поэтому представляются небесполезными некоторые замечания по истории тех этикетных формул, которые мы нашли в сочинениях Максима Грека и протопопа Аввакума.

Начну с наиболее традиционной формулы — сравнения труда писателя с работой пчелы. Очень рано обнаруженное сходство между жизнью пчелиной семьи и жизнью человеческого общества послужило основой для широко распространенного у разных народов и в разные исторические эпохи переноса отдельных свойств человека на пчелу.³⁰ Основанная на этом переносе и весьма разработанная в древнерусской и неразрывно связанных с ней южнославянских литературах символика пчелы могла бы стать темой самостоятельной работы.³¹ Для наших целей, однако, достаточно будет отметить лишь основные моменты в развитии этой символики. Значительно огрубляя сложную систему метафор, связанных с пчелой, можно наметить два основных направления, по которым шло использование этого образа в славянской письменности.

Наиболее популярным было восходящее к византийской литературе сравнение с пчелой святого, монаха или вообще добродетельного христианина. Кирилл Философ «протекова весь мир. . . , яко бчела, богоразумия мед пресвятый в сердца вьлагая верующим в единого Христа, на землю пришьдьшаго»;³² Кирилл Туровский говорит о «мнишьскаго образа трудолюбивой бчеле»;³³ Тырновский патриарх Иоаким I, «яко трудолюбивая

²⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1, с. 236.

²⁸ А. И. И в а н о в. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 117—118. Правда, атрибуция А. И. Иванова представляется малоубедительной; большинство исследователей признают автором этого сочинения Артемия, игумена Троицкого (РИБ, т. 4. Пб., 1878, стб. 1201—1266). Поскольку нас интересуют «общие места», вопрос об авторе этого произведения для нас в конце концов не имеет большого значения.

²⁹ РИБ, т. 4, стб. 1205.

³⁰ Ad de Vries. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam—L., 1974, p. 41—43.

³¹ Ср.: D. Tshizewskij. Umkehrung der dichterischen Metaphern. Topoi und anderer Stilmittel. — Die Welt der Slaven, 1961, Jahrgang VI, H. 4, S. 339—340.

³² И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, кн. 1, вып. III. СПб., 1867 (№ XXVIII), с. 68.

³³ И. П. Еремеев. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, с. 417. У Григория Богослова, к которому восходит это место, сравнения монаха с пчелой нет. По словам А. Никольской, «природа, вполне реальная у Григория Богослова, становится рядом символов у Кирилла Туровского» (А. Никольская. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе (Несколько описаний весны). — СОРЯС, т. CI, 1928, № 3, с. 435).

пчела не почивает, уче ихъ мнишьскому сану, еже на путь спасения»;³⁴ по словам митрополита Феодосия, «егда в святей церкви начнется о Павле беседа», благочестивая паства стекается туда, «яко же пчелы на събрание цветов отвсюду»;³⁵ митрополит Филипп «в тленном телеси яко съблотен на земли поживе, пчелинному трудолюбию и благостроению боголюбно подобяся».³⁶ Типичная для стиля барокко проповедь Антония Радвильовского целиком построена на сравнении Антония Печерского с пчелой.³⁷ Отчасти эта метафора объясняется распространенным представлением о необычайном трудолюбии пчелы. Несомненно, однако, что метафора основана в первую очередь на древнем, восходящем к античной культуре убеждении в особой чистоте, девственности пчелы.³⁸ Многие античные натуралисты считали, что пчелы не производят потомство, но собирают его на растениях:

Плотский чужд им союз: не истощают любовью
Тел своих, не рожают детей в усилиях тяжких.
Новорожденных они со сладких злаков и листьев
Ртом берут, назначают царя и малюток-квиритов,
Строят сызнова двор и все царство свое восковое.

(В е р г и л и й. «Георгики», IV, 198—202;
пер. С. Шервинского).

Именно на этом убеждении зиждется церковная символика пчелы, особенно развитая и разнообразная в средневековой латинской литературе.³⁹ Этим объясняется также происхождение устойчивой метафоры «монах — пчела», часто встречающейся в памятниках древних славянских литератур.

Интереснее другое направление, по которому шло использование образа пчелы в средневековой славянской письменности: пчела в этом случае связывалась с работой писателя или, шире, с искусством слова. Так, например, в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» читаем: «Пчелы ничим же хужьше ему быти разумею, медоточныя глаголы испущая, цветонных словес сот сплетая, да клетца сладости сердцу исполнить»;⁴⁰ или в «Беседе Кирилла Философа» — «Брате Варфоломею, прииди ко мне, аки пчела к цвету, и приклони уши свои ко глаголаню уст моих, да насладиши гортань свой словесы моими паче меду и сахару».⁴¹

Особенно важны для нас те случаи, когда образ пчелы иллюстрирует принципы работы писателя, т. е. когда используется этикетная формула, обнаруженная в сочинениях Максима Грека. Так, например, в похвале царю Симеону в Изборнике 1073 г. сказано: «Яже акы бѣчела любодельна с всякого цвета псаню събрав акы в един сътъ»;⁴² в Житии Авраамия

³⁴ Х р. К о д о в. Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на Науките. София, 1969, с. 46.

³⁵ Записка В. М. Ундольского о неизвестном сочинении м. Феодосия. — ИОРЯС, т. II, 1853, стб. 327.

³⁶ Н. Никольский. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизвестным текстам. — ПДПИ, вып. CLXXXVIII. СПб., 1916, с. 23.

³⁷ Антоний Радвильовский. Огородок Марии Богородицы. Киев, 1676, с. 223—230. Метафора монах—пчела оказалась очень устойчивой, ср. следы ее (в перевернутом виде) у А. С. Пушкина:

«Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой».

³⁸ Последнее верно в отношении рабочей пчелы (*apis mellifera*). Впрочем, известно, что если в улье погибла матка, рабочая пчела приобретает способность откладывать яйца; поскольку из этих яиц выводятся самцы — трутни, такие пчелы называются трутовками (И. Х а л и ф м а н. Пчелы. 4-е изд. М., 1963, с. 48).

³⁹ Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte. Herausgeg. von O. Schmitt, 16 Lieferung. Stuttgart, 1939, col. 545—549 (статья L. Stauch).

⁴⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 361.

⁴¹ Е. Петухов. К вопросу о Кириллах — авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, т. XLII, 1887, № 3, с. 18.

⁴² Б. Ст. Ангелов. Похвала царю Симеону. — В кн.: Изборникъ Свято-слава 1073 г. М., 1977, с. 248.

Смоленского о святом говорится,⁴³ что он был, «яко делюлюбивая пчела, вся цветы облетаючи и сладкую себе пищу приносящи и готовящи, тако же и вся от всех избирая и списая ово своею рукою, ово многыми писци»;⁴⁴ наконец, Даниил Заточник так говорит о себе: «Бых, яко пчела, падая по различным цветом и совокупля медвяны сот; тако и аз, по многим книгам избирая сладость словесную и разум».⁴⁵ К той же этикетной формуле восходит, конечно, название известного переводного сборника изречений «Пчела».

Комментируя приведенные слова Даниила Заточника, И. Н. Жданов утверждал, что в основе распространенного в древней славянской письменности сравнения писателя с пчелой лежит библейский текст: «Или иди ко пчеле, и увеждь, коль делательница есть, делание же коль честное творит: ея же трудов царие и простию во здравие употребляют, любима же есть всеми и славна: аще силою и немощна сущи, но премудростию почтена произведеса» (Прит., 6, 8).⁴⁶ Хотя это место из «Книги Притчей» неоднократно использовали христианские авторы (РГ, t. 29, col. 173; t. 32, col. 268), думаю все же, что утверждение И. Н. Жданова не совсем справедливо. Начать с того, что в Священном писании вообще мало разработана символика пчелы, причем с пчелами, как правило, сравниваются неприятели (Втор., 1, 44; Пс., 117, 12; Ис., 7, 18).⁴⁷ Кроме того, в приведенном тексте речь идет не о работе писателя; пчела здесь служит образцом трудолюбия, что совсем необычно для ветхозаветной традиции.⁴⁸ Истоки интересующей нас этикетной формулы — сравнения работы писателя с трудом пчелы — нужно искать в другом месте — в античной культуре.

Связь образа пчелы с искусством слова в древней греческой и римской литературах была очень прочной.⁴⁹ Марк Теренций Варрон называет пчел «птицами Муз» («О сельском хозяйстве», III, 16, 7). Широко распространен был в древности рассказ о том, как пчелы садятся на губы, устраивают во рту улей или вскармливают медом знаменитых писателей и поэтов (Гомер, Платон, Пиндар, Софокл, Вергилий, Лукан).⁵⁰ Названия «пчела» удостоились многие древние авторы — Сапфо («Греческая антология», II, 69), Ксенофонт (там же, II, 392; Лексикон Свида, см. *Ξευφῶν*), Эринна («Греческая антология», VII, 13,1); особенно прочно название «пчела»

⁴³ Авраамий Смоленский был известен современникам не только как святой, но и как писатель. Ему приписывается, хотя и малоубедительно, «Слово о небесных силах». См.: С. Ш е в ы р е в. История русской словесности, ч. III. 2-е изд. СПб., 1887, с. 213—2. 6.

⁴⁴ Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил С. П. Розанов. СПб., 1912 (Памятники древнерусской литературы, вып. 1), с. 5.

⁴⁵ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подгот. к печ. Н. Н. Зарубин. Л., 1932, с. 33.

⁴⁶ И. Н. Жданов. Слово Даниила Заточника. — В кн.: Сочинения И. Н. Жданова, т. 1. СПб., 1904, с. 294.

⁴⁷ Об образе пчелы в Ветхом завете см.: I. P h. G l o s k. Die Symbolik der Bienen und ihrer Produkte in Sage, Dichtung, Kultus, Kunst und Bräuchen der Völker. Heidelberg, 1894, S. 145—151; Н. А. Е л е о н с к и й. Очерки из библейской географии, т. II. Представители животного царства в св. Земле. СПб., 1897, с. 17—19.

⁴⁸ Примером трудолюбия в Ветхом завете обычно служит муравей, сравнение с которым и читалось в первоначальном тексте «Книги Притчей» (Прит., 6, 6).

⁴⁹ О символике пчелы в античной культуре см.: I. P h. G l o s k. Die Symbolik der Bienen. . . , S. 157—218; G. R o b e r t - T o r n o w. De apium mellisque apud veteres significatione et symbolica et mythologica. Berolini, 1893; A. C o o k. The Bee in Greek Mythology. — The Journal of Hellenic Studies, vol. XV (1895), p. 1—24; L. B o d s o n. ΓΕΡΑ ΖΩΙΑ. Contribution à l'étude de la place de l'animal dans la religion grecque ancienne. Bruxelles, 1978, p. 20—43. О сравнении писателя с пчелой см. также: W. H. R o s c h e r. Nektar und Ambrosia. Leipzig, 1883, S. 71—72.

⁵⁰ Позднее этот рассказ был перенесен на Амвросия Медиоланского, Иоанна Златоуста, Исидора Севильского, св. Доминика, Бернарда Клервоского. В славянской традиции этот рассказ мне известен только в Житии Иоанна Рильского: И. И в а н о в. Жития на св. Ивана Рилски с уводни бележки. — Годипник на Софийския университет, 1935/1936, Историко-филологически фак-т, кн. XXXII, с. 35.

закрепилось за Софоклом из-за «сладости» его речи (*διὰ τὸ γλυκύ*).⁵¹ Весьма популярным было также интересующее нас сейчас сравнение работы писателя и работы пчелы: «Говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз» (П л а т о н. «Ион», 534 а—b, пер. Я. М. Боровского); тот же образ: П и н д а р. 10 Пифическая ода, 53—54; А р и с т о ф а н. «Птицы», 749—751; Л у к р е ц и й. «О природе вещей», III, 10—12; Г о р а ц и й. «Оды», IV, 2, 27—32; С е н е к а. Нравственные письма к Луцилию, LXXXIV, 5; П л у т а р х. «Как следует юноше слушать поэтические произведения», 11.

Для дальнейшей истории метафоры «писатель — пчела» особенно интересно изречение псевдо-Исократ, который советует обучающемуся подражать пчеле («К Демонику», 6); изречение это, что очень показательно, вошло в состав древнерусской «Пчелы»: «Яко же бчелу видим, по всем садом и зельем летающе от когождо их полезная приемлюще, тако же и уноши учащесе философы и на высоту мудростью хотяще възити и отвсюду лучшая собирають». ⁵² Заимствуя из сочинений античных авторов образ пчелы, облетающей цветы, отцы церкви именно таким образом рекомендовали пользоваться языческими книгами: брать из них то, что полезно христианину, и оставлять все, что несовместимо с евангельским учением. В знаменитом слове Василия Кесарийского «О том, как молодым людям извлечь пользу из языческих книг» читается такое наставление: «Итак, вы должны изучать сочинения, во всем подражая пчелам. Ведь они и не на все цветы одинаково садятся, и даже с тех, на которые садут, не стремятся унести все, но берут то, что им необходимо для работы, а прочее оставляют нетронутым. И мы, если мы благоразумны, соберем из этих сочинений то, что близко нам и соответствует истине, а остальное оставим» (PG, t. 31, col. 569). По словам Григория Назианзина, так обучался сам Василий Великий, подражая в трудолюбии пчеле, «которая со всякого цветка собирает самое полезное» (PG, t. 36, col. 512). Следовать примеру пчелы, благоразумно извлекая из языческих книг только полезное, рекомендуется и в послании к Селевку (PG, t. 37, col. 1580); о том же пишет Иоанн Дамаскин (PG, t. 94, col. 524).

Вероятно, к наставлениям отцов церкви о том, как нужно обращаться с языческой мудростью, и восходит в конечном счете распространенная в средневековой славянской письменности этикетная формула — сравнение труда писателя с работой пчелы. Как пчела, облетающая цветы, древние авторы и книжники заимствовали все лучшее из лучших и наиболее авторитетных сочинений, выбирали самое ценное из самых ценных источников. Заготовками, собранными писателем-пчелой с самых прекрасных цветов словесности, являются подборки выписок Максима Грека, Аввакума или авторов «Поморских ответов». Возникнув как наставление обучающемуся, с течением времени эта этикетная формула прочно вошла в обиход средневековых писателей, поскольку отчетливо выражала самые принципы их труда.

Устойчивой этикетной формулой является другой образ, который, как мы помним, Максим Грек использует для характеристики принципов работы писателя — образ пса, питающегося объедками своих хозяев. Это сравнение находим у многих древнерусских авторов. Например, в «Послании многословном»: «Прием, яко пс от крушиц, падающих от трапезы господий, боговидных и духоносных святых мужей, апостолов и их преем-

⁵¹ «Жизнь Софокла», 20; Схолии к Аристофану, «Ось», 462; Гезихий (Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. IV. Parisiis, 1851, p. 175); Лексикон Свида, см. *Σοφοκλήης*.

⁵² В. Семенов. Древняя русская пчела по пергаменному списку. — СОРЯС, т. LIV, 1893, № 4, с. 167.

ник, и иже по них учителей и настолник»;⁵³ в предисловии к певческой азбуке: «Но яко пес крупицы, падающыя под трапезою господей своих, собирает, тако и аз древних песнорачителей от их преводов сле воедино собрав, написав».⁵⁴ Устойчивость этой этикетной формулы объясняется просто — она восходит к евангельскому тексту (Матф., 15, 27; Марк, 7, 28). Важно, однако, что слова женщины хананеянки («Ей, господи: ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих») были использованы средневековыми авторами для того, чтобы выразить свое отношение к принципам работы писателя. Подборки выписок Максима Грека, Аввакума, авторов «Поморских ответов» являются такими «крупницами», собранными после трапезы их великих предшественников.

Из интересующих нас этикетных формул наименее стандартен образ нищего, собирающего подаяние, использованный протопопом Аввакумом. Тем не менее мы включаем сравнение Аввакума в число устойчивых формул, потому что оно является частным случаем «общего места» более широкого масштаба. Это так называемая самоуничижительная формула, в которой авторы декларативно заявляют о своем невежестве, о своей неучености и т. д.⁵⁵ Кроме того, развернутое сравнение писателя с нищим основано на метафоре съедания слова — устойчивом мотиве средневековой литературы (см. примеч. 25).⁵⁶ Поэтому представляется натяжкой утверждение Н. С. Демковой о том, что аввакумовское сравнение восходит к «Шестодневу» Иоанна Экзарха.⁵⁷ Иоанн Экзарх сравнил свою работу со строительством храма, а себя с неимущим зодчим, который обращается к богачам за материалами: «Не о себе мы есмь съставили, нъ ово от Екъсамера светааго Василия истовая словеса, ово же и разумы от него въземлюще, такожде и от Иоаня, а другое от других. . . Яко же се бы кто минуем владыкою и мимоходещю владыце възхотел би храм ему сътвори, не имущю ему чим сътвори, шед би к богатым, съспросил от них: от ового мърморь, от другааго брьселита, ти стены би възградил, мраморомь помостил».⁵⁸

Хотя приведенный текст нельзя, на мой взгляд, считать непосредственным источником этикетной формулы Аввакума, сам по себе образ, созданный древнеболгарским писателем, представляет значительный интерес. Будучи, с одной стороны, частным случаем все той же «самоуничижительной» формулы,⁵⁹ сравнение писателя с зодчим, собирающим стро-

⁵³ Послание многословное. Сочинение инокa Зиновия. По рукописи XVI века. Изд. А. Попов. — ЧОИДР, 1880, кн. 2, с. 13.

⁵⁴ ГБЛ, ф. 210, собр. Одоевского, № 2, л. 2. Ср. в Житии Сергия Радонежского: «Аще бо и вси достойни, но аз недостойн есмь, влеком и жадаю, да поне крупницам трапезы избранных причастник буду: могут бо и множество крупниц насытити алчущих душа» (Л е о н и д, а р х и м. Житие преподобного и богоугодного отца нашего Сергия чудотворца и похвального ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. — ПДПИ, т. 58. СПб., 1885, с. 146).

⁵⁵ D. Č u ž e v š k y j. 1) Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik. — In: Festschrift für Max Vasmer. Wiesbaden, 1956, S. 111—112; 2) Umkehrung der dichterischen Metaphern, Topoi und anderer Stilmittel, S. 349—351; Д. М. Бу л а н и н. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей. — РЛ, 1980, № 3, с. 137—142. О «самоуничижительной» формуле подробно см.: E. R. C u r t i u s. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 83—85, 407—413.

⁵⁶ Между прочим, с метафорой этой связаны и две разобранные выше этикетные формулы. Ср. особенно близкие параллели к аввакумовскому образу: «От источьника евангельскааго изым и от пира Златоустааго възвзем възвзм, папаяю вы отъчасти» (А. Горск и й, К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, с. 425); «Ибо аз днесь пирик вам, аще бо и не свое раздаваю, но взаим взем от пира Златоустааго» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1897, с. 88).

⁵⁷ Н. С. С а р а ф а н о в а - Д е м к о в а. Иоанн Экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 370—371.

⁵⁸ R. A i t z e t m ü l l e r. Das Hexaameron des Exarchen Johannes, Bd I. Graz, 1958, S. 43—45.

⁵⁹ A. L ä g r e i d. Der rhetorische Stil im Šestodnev des Exarchen Johannes. Wiesbaden, 1965 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. IV), S. 75—77.

ительные материалы, выразительно демонстрирует, с другой стороны, суть работы средневекового писателя — он собирает выписки из авторитетных трудов, как строитель необходимые ему материалы. В древней славянской письменности были в ходу и другие этикетные формулы, которые отражали принципы писательского труда. В византийской и славянских литературах широко было распространено, например, уподобление писателя или книжника человеку, который собирает или выращивает цветы. На этой этикетной формуле основаны, конечно, такие заглавия книг, как «Лимонарь», «Цветник», «Цветы дарований», «Вертоград многоцветный» и многие другие.⁶⁰ Думаю, что варианты такого рода этикетных формул (которые сами по себе были очень устойчивыми), отражающих одни и те же взгляды на труд писателя, взгляды, присущие всем средневековым авторам, могли создаваться *ad hoc*.

Итак, средневековый писатель, начиная работать, обращается к авторитетным произведениям и делает из них выписки, составляет специальные подборки этих выписок, как пчела облетает цветы, как пес кормится объедками своих хозяев, как нищий собирает подавание, как зодчий собирает строительные материалы или как садовник выращивает цветы. Пожалуй, лучшим комментарием к разобранным нами этикетным формулам может послужить предисловие к сборнику изречений с замечательным заглавием «Сот пчельный».⁶¹ В этом предисловии предельно ясно выражен смысл, который вкладывали в средние века в такие этикетные формулы: «Сего же ради книга сия тако названа есть „Сот пчельный“, поне же преподобный Максим Исповедник подобну сей книгу от многих святых книг собрав и „Пчелою“ нарече ю. Такожде и монах некто Антоний подобне потрудився и от различных книг воедино собрав, „Пчелою“ же ю нарече. Инии же из многих историй воедино собравше ин книгу „Цветник“, ин же „Вертоград“ нарече. Не без разсуждения же тии собиратели, но в лепоту по приличным зело вещем тако книги нарекоша, яко „Цветник“, „Вертоград“ и „Пчела“. Поне же яко в чувственном вертограде многия и различныя древа обретаются, плоды имуще благи ко вкушению и ко увеселению зрящым я, такожде и во цветнике премногия изрядныя цветы ови веселят зриающих на ня, ови же потребни суть ко врачеванию недугов и ко иным вещем многия угодни обретаются, сице в мысленных вертоградах и цветниках, се есть во святых книгах, кийждо может всякия богодухновенныя словеса зрети во увеселение, и прохладждение, и во уврачевание недугов своих. „Пчелою“ же нареченна есть книга того ради: яко же пчела от многих цветов воедино собирает, и сот устрояет, и медом исполняет, сице собиратель от многих богодухновенных писаний яко же пчела воедино трудолюбне собрав, ради сладкоглаголивых словес тако нарече. Подобне аз сию от многих святых богодухновенных отец писаний, такожде и внешних, сиречь прежде благодати бывших, философов премудрых словес собранную книгу нарекох „Сот пчельный“, поне же дивне различными богодухновенными святых отец учения и премудрыми философскими словесы преудобренна и преисполненна, поистинне аки сот вся медвенною сладостию изобилне устроена».⁶²

⁶⁰ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы, с. 106.

⁶¹ БАН, 33. 1.12. Сборник переписан в 1695 г. Алексеем Коробовским.

⁶² В. И. С р е з н е в с к и й. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, с. 192—193.